

Симон Соловейчик

О ЛЮБВИ И СОВЕСТИ

письмо читателям

Уважаемые читатели, представьте себе, что где-то есть человек, который хочет сказать вам нечто очень важное для него, но, может быть, и для вас тоже. Я много раз пытался это сделать, да не получалось. Никак не мог найти нужного тона и самых простых, самых ясных слов, без которых не скажешь того, что я должен, обязан сказать. А это особенно важно, если пишешь о том, во что мало кто верит и что многими воспринимается скептически, насмешливо, недоверчиво. Я ведь уже не раз писал об этом (в частности, в книге «Педагогика для всех»), но успеха, должен признаться, не имел. Прорваться к читателю не смог. Очень немногие понимают важность того, о чем идет речь.

Попытаюсь еще раз.

1.

ПОНИМАЕТЕ ЛИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ? Мы все живем рядом с детьми, воспитываем их прямо или косвенно, профессионально или по-родительски, и все или почти все страдаем оттого, что у нас не всегда получается, и дети вырастают отнюдь не такими, какими мы хотели бы их видеть. Огромные наши педагогические, воспитательные усилия во многих случаях пропадают зря.

Сорок с лишним лет я пишу о педагогике, о школе, о воспитании детей в семье, пишу и пишу, и все время чувствую, что я не говорю о чем-то главном, и потому все эти призывы быть добрым к детям и терпимым, все гуманистические порывы пропадают втуне и не доходят до людей. Постепенно я понял причину: да потому, что они лживы, эти призывы. Вернее, не лживы, а поверхностны. Они все на уровне Карнеги: улыбайся, веди позитивную политику, не наказывай – они все о поведении: «Что делать, если мой ребенок...» (плохо учится, ленится, ворует, обманывает, не читает книг и т.д.).

Так я и жил, так и писал, пока постепенно не стал понимать, что в действительности воспитание зависит от чего-то другого, о чем

я – да и почти все вокруг меня, и решительно все, кто пишет о педагогике, – понятия не имеем. Мы не знаем – или, лучше сказать, я не знаю – чего-то самого главного, без чего воспитание становится блужданием по дикому лесу: кто-то выходит на дорогу, а кто-то нет; у кого-то лучше с ориентировкой на местности, у кого-то географический (воспитательный) идиотизм. Нет, нет, Боже упаси, я не мечтаю открыть панацею, дать всем и каждому верный метод воспитания, я просто хочу для себя понять, в чем же главный секрет воспитания, почему у одних людей оно получается, а у других нет. Никаких методов – только понять.

Сразу скажу, что в этих заметках я сознательно не касаюсь религиозно-нравственных представлений о мире.

2.

ВОТ ЧТО Я ПОНЯЛ ОДНАЖДЫ: у каждого человека есть внутренний мир, которым, собственно, и определяются его жизнь, его поведение, его отношения, его успехи и неудачи. Философы спорят, является ли внутренний мир отражением внешнего, но это ведь не самое интересное. Ну отражает, ну неправиль-

но отражает, ну вовсе не отражает – что мне с этим делать?

Интересно другое: вот вы, вот я, вот прохожий на улице... Ясно, что наши внутренние миры разительно отличаются – у нас разные жизненные истории, разное образование и воспитание, разные круги знакомых, разные потребности и возможности. То, что во мне, уникально мое. Есть люди, похожие на меня физически, и я на кого-то похож; но внутренний мир – мое, личное, совершенно не похожее на мир другого.

Можно сказать, что это и есть моя личность.

Примем как утверждение: личность человека – это его внутренний мир. Воспитание личности – помощь ребенку в созидании им своего внутреннего мира, своей личности.

Итак, миры, личности отличаются; но ведь есть и что-то общее между ними? Люди разные, но у всех одни и те же круги кровообращения. А разве во внутренних мирах наших нет общего, нет общих законов их построения и существования? Да, эти миры существуют каким-то другим способом, не так, как внешний мир; внутренний мир принято называть Вселенной, он и есть Вселенная, он огромен и безграничен – и в то же время он не занимает места. Принято считать, что в этом мире есть сознание, потребности, чувства, воля, но в каком смысле есть? Это же

только в книгах все рядом, все рядорасположено, а в действительности это все одно. Это и точка, это и Вселенная.

Что же получается? Мы знаем все на свете, проникли во все, в атомы и звезды, и лишь то, что всегда с нами, с чем мы не расстаемся, в чем живем, – вот этого-то мы и не знаем. Карты далеких материков составлены с точностью до метра, карты сверхдалеких звездных миров найдешь в любом астрономическом атласе, а карты того, что во мне, нет, и у меня самые поверхностные, самые путанные представления обо мне и тем более о человеке, которого я берусь воспитывать.

И мало того, что они путанные, эти представления, они еще и бедны. У вас никогда не возникало подозрения, что самого важного мы и не знаем? Каждый чувствует, что у него есть душа, что души людей и похожи, и разнятся; а в науке психологии, которой нас обучают, никакой души нет. Каждый чувствует, что в нем и в людях есть дух, что это, быть может, самое главное для понимания личности, внутреннего мира, – но ни в учебниках, ни в монографиях, ни даже в словарях никакого духа нет. Не оттого ли невозможно представить себе карту внутреннего мира? У психологии одни понятия и термины, у этики – другие,

у философии – третьи; одна наука не признает термины другой и не пользуется ими – как же сложится картина?

3.

ВОТ ЧТО Я ПОНЯЛ: внутренний мир потому не поддается пытливому взгляду психолога, что его исследования отделены от этических.

А внутренний мир не существует вне этики. Внутренний мир – это не механизм, который может быть направлен в ту или другую сторону, это этическое явление. Дело не так обстоит, что сначала в человеке развивается сознание, а потом благодаря воспитанию или окружению это сознание наполняется тем или иным этическим содержанием, – нет, сознание с самого начала возникает как этическое; вне этики сознания просто нет. Этическое не добавка, не наполнение, не мед в восковых сотах, а сами соты. Идеальный внутренний мир нельзя изучать так же, как анатомию.

Но что понимать под словом этика?

Чтобы не попасть на бесконечную ленту определений (их, как всегда, сотни), скажу сразу, что внутренний мир человека совершенно невозможно понять, если не установить с наиболее доступной ясностью значение

нескольких важнейших для человека слов. Мы все знаем эти слова, легко произносим их, а то и пишем – и, увы, не понимаем. То есть понимаем интуитивно, но не придаем им значения. Относим их к разряду высокопарных, выпрєнных и, значит, ненужных в обыденной жизни.

А они-то и есть главные слова. И уж, конечно, самые главные слова для воспитания и воспитателя. В них заключены секреты успешного воспитания. Именно эти главные слова объясняют, отчего у одних получается, у других нет. Почему у хмурого, не улыбчивого отца, который почти и не видит своих детей, они вырастают прекрасными людьми, а у заботливого, хлопотливого, целиком отдавшегося воспитанию дети становятся невыносимыми (или наоборот).

4.

Я ПОНЯЛ, что мне неизвестен точный смысл по крайней мере восьми важнейших фундаментальных понятий, которые и есть основание того, что я называю словом этика, и без которых нельзя обрисовать внутренний мир. Я понял также, что я должен сделать все возможное, чтобы достичь хоть

какой-нибудь ясности и простоты. Я потратил годы для того, чтобы привести эти восемь слов в порядок и понять, в каком соотношении они находятся. Я начал думать об этом в конце шестидесятых годов, а первая статья появилась через пятнадцать лет.

Вот эти восемь общеизвестных и совершенно непонятных слов, настолько таинственных, что многих людей коробит даже попытка объяснить их:

ВЕРА, ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА – ДУША.

ПРАВДА, ДОБРО, КРАСОТА – ДУХ.

Я понял, повторяю, что это главные слова педагогики и что учебник педагогики, который обходится без них, – неправильная книга.

Простите, простите, не бранюсь. Больше не буду. Никого не критикую, обожаю все академии, всех академиков, всех докторов и кандидатов, все министерства, всех политиков, всех ученых, всех публицистов – всех обожаю.

Никого не трогаю, никого не критикую, всех обожаю. Ну их всех. На свете столько дел и занятий, этот мир так сладок, жить так прекрасно, и ведь можно любить, целоваться, глядеться в глаза детей, ломать голову – размышлять, читать вдохновляющие книги, вести дружелюбные

разговоры, да мало ли чем можно заниматься –
зачем же зря тратить жизнь?

Ну их всех. Всех обожаю.

Итак:

ВЕРА, ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА – ДУША.

ПРАВДА, ДОБРО, КРАСОТА – ДУХ.

Эти понятия удобнее рассматривать по-
парно: ВЕРА – ПРАВДА; ЛЮБОВЬ – ДОБРО;
НАДЕЖДА – КРАСОТА; ДУША – ДУХ.

5.

ТРУДНЕЕ ВСЕГО ПОНЯТЬ, что такое правда.
Ушло года три, чтобы совершить в уме один
простой переход и связать между собой два
слова, о связи между которыми я прежде не
догадывался. Это слова правда и совесть.

Заметим прежде всего, что в русском язы-
ке два близких понятия: истина и правда.
Это чрезвычайно важное разделение, в нем
основа нравственного.

Посмотрите: у слова истина есть множе-
ственное число («тьмы низких истин...»), а у сло-
ва правда в его нынешнем значении – нет. Поче-
му? Потому что истина относится к чему угодно:

истинный вес, истинный размер, банальная истина.

Истин много, истин тьма, а правда – одна, потому что правда относится не к чему угодно, а лишь к человеку. Правде всегда противостоит ложь. Правда всегда прямо или косвенно говорит о человеке самое главное: правдив он или лжив.

Где правда – там человек, правда – это о человеке, о самом главном для человека. Истина – это «да» или «нет», а правда – нечто очень сложное.

Итак, есть истины и есть правда – она одна. Но что она? О чем она?

Однажды я долго стоял во дворе и наблюдал за играющими детьми. И вдруг подумал: вот я возвышаюсь над ними, как Гулливер, и жизненный опыт позволяет мне предвидеть (пусть и с ошибками), что из них получится, кто чего стоит. Я знаю правду о них, им неизвестную...

Стоп. Значит, правда эта есть? А если бы и над нами, взрослыми, стоял Гулливер, наблюдая за нашими играми, – он знал бы правду о нас?

Вот что я понял в ту минуту: на свете есть правда, она есть, есть, есть, и эта правда открывается нам ответом на вопрос о достоинстве человека.

Слово достоинство – всеобъемлющее, в нем возвышение (или унижение), в нем главное: чего я стою? В нем ответ на труднейший вопрос о добре и зле. Ведь можно сказать, что добро все, что возвышает человека, а зло все то, что человека унижает. Зло по отношению к отдельно-му человеку – унижение его. Зло по отношению к человечеству – унижение его.

Тогда что же добро? Добро – в утверждении достоинства. А правда – отделяет добро от зла.

Правда – это граница между добром и злом:

$$\begin{array}{ccc} & \text{ДОБРО} & \\ \hline & & \text{ПРАВДА} \\ & \text{ЗЛО} & \end{array}$$

Это означает, что есть поле зла, унижения человека, и есть поле добра, возвышения человека, и что между ними есть граница. Больше ничего. Но это не так банально, как может показаться с первого взгляда, потому что огромное множество людей не верит, что добро отличается от зла и что вообще такое различие имеет смысл.

Многие люди считают, что добро и зло в жизни смешаны, спутаны, что все отно-

сительно, все зависит от точки зрения – как посмотреть. Нет. Если «как посмотреть», то получится, как у ведьм из шекспировского «Макбета»:

*Зло есть добро, добро есть зло,
Летим, вскочив на помело!*

Если добро есть зло, а зло – добро, если «Добро и зло, все стало тенью» (Пушкин), то вот оно и помело, вот бесовщина, кровопийство, мрак – серая тень.

Так я понял то, что должен бы знать с детства: на свете есть правда, и эта правда – граница между добром и злом. Добро начинается с правды. Добра без правды не бывает. Добро основано на правде.

Но различение добра и зла, но поиск правды, но стремление к ней – серьезная нравственная работа. Собственно, для этого и нужен ум человеку, для этого образование, воспитание, развитие – для различения добра и зла.

6.

НО, СТАЛ Я ДУМАТЬ, где же она, правда? Как она существует, где записана и как мне ее узнать? Откуда знают ее люди? Почему они все-таки, пусть с ошибками, отличают добро от зла, а главное, стремятся отличать?

Когда я задумался об этом, то спустя несколько лет я и заметил связь между двумя словами, которые прежде никогда не связывал: правда и совесть.

Да ведь это одно и то же!

Совесть моя, она во мне, но она и во всех, мы все знаем, что значит поступать по совести и что бессовестно. Совесть – сердцевина моего я, но она и не я, не только я, она одна на всех. У вас, читатель, и у меня одна и та же совесть, одна и та же правда.

Она может мучить нас и наказывать, словно судия и палач. Она же во всех, она одна на всех, вот в чем дело, вот почему она и есть правда. Правда – одна, и совесть одна, правда и совесть одно и то же, правда и совесть – то, что Кант называл (да и до Канта известно было) «законом во мне». Откуда взялся закон во мне? Почему я знаю, что хорошо и что дурно, почему совесть грызет меня, почему даже негодяй ищет оправдания своим негодяйским поступкам, старается заглушить совесть, откуда она в нем? Заметим: оправдание, приведение к правде... Даже и дурной человек чувствует правду и нуждается в ней. Правда во всех.

Откуда? Откуда?

Это важнейший из важнейших вопросов воспитания, а мы не знаем на него ответа.

Ведь не может быть, чтобы человек знал правду от мамы-папы или от учителя, тогда она была бы редкой птицей. А она во всех. Не знаю, были ли похожие ответы прежде или только я понял – я мало читал и почти не знаю философской литературы. Но ответ на вопрос Канта я нашел и дерзко утверждаю: я разгадал эту загадку.

Тот закон, который внутри нас, по которому выстроен внутренний мир людей, приходит к нам с языком.

Закон (правда) содержится в языке.

Когда сознание человека складывается, оформляется (только не спрашивайте меня про глухонемых), оно сразу складывается как моральное сознание. Слово вор означает не укравшего человека, а того плохого человека, который украл. Что такое хорошо и что такое плохо – это объяснять полезно, есть множество поступков, которые вызывают двоякое отношение. Но вообще-то говоря, все на свете знают, что плохо и что хорошо, что добро и что зло. Ни одному ребенку не надо доказывать, что воровать плохо, он сам это знает, даже если ворует не переставая. И подобно этому случайному примеру все нравственные представления, вся правда содержится в сознании, в совести – потому мы и чувствуем стыд, эту

боль личности, боль сознания, когда поступаем против совести.

7.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, понял я странную на первый взгляд истину: совесть воспитывать не надо. Совесть есть в детях и без нас, воспитателей. Мы должны воспитывать другое – совестливость, стремление жить по совести, по правде, то есть справедливо.

Часто пишут, не разбирая: правда и справедливость... Но это не одно и то же, и эти слова не рядом.

Правда – в нас и вне нас, правда не нами создана и создается, правда существует как граница между добром и злом, правда есть.

А справедливость – в реальной действительности, это жизнь по совести, по правде, с-правдой, справедливо. Правда есть, справедливость приходится утверждать.

Если человек живет по совести, если он справедлив, то он берет правду из общего нашего мира, претворяет ее своей жизнью в справедливость и тем поддерживает, сохраняет, усиливает, увеличивает правду на земле. Подобно кровообращению происходит и

правдообращение: правда в мире – совесть в сознании человека – совестливость в поступках – справедливость в жизни – правда в мире. Все это можно выразить так:

ПРАВДА
СОВЕСТЬ ————— СОВЕСТЛИВОСТЬ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Нет правды в мире? Неправда, есть! В мире нет справедливости? Увы, похоже на правду. Нет ее. Или мало. И уж во всяком случае недостаточно. Поскольку все мы знаем, в чем правда, то всякая несправедливость возмущает нас. Надо только понимать, что наш мир действительно неидеален, несправедлив, что попытки насильно привести мир к идеалу, к справедливости оборачиваются такими несчастьями, что уж лучше смириться с несправедливостью мира, стараясь постепенно уменьшить ее.

В мире – правда, в родителях и учителях – справедливость, тогда (и только тогда) в детях будет совестливость, обязательный результат хорошего воспитания. Совестьливость, таким образом, воспитывается только справедливостью старших, и если пушкинскими строками выразить главный завет для всякого человека, и уж

тем более для воспитателя, то выберем вот эти две потрясающие строки:

*Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй...*

А? Каково?

Вы только вслушайтесь, вдумайтесь в это «мужайся ж», «презирай», «бодро следуй»... Правда есть, стезя правды есть, надо лишь чувствовать ее в себе, следовать этой стезей, и притом мужественно следовать и бодро.

А обман – презирать.

Переписал эти строчки, и веселее на душе стало, и жизнь улыбается. Может быть, она и вам улыбнется, читатель, от пушкинской строки?

Мужайтесь же.

8.

НО ПРАВДА ЛИ ВСЕ ТО, что говорилось здесь о правде? Действительно ли есть правда, есть одна на всех совесть?

Не знаю. Не знаю в чем она точно состоит. «Но вы же только что уверяли...»

Уверял.

Не могу доказать существование правды, но верю в нее, верю, что она есть.

Заметим, что даже в слове уверять – корень вера.

Вера не ум, не чувство, не воля, а совершенно иное. Она вроде трансформатора между чувством и знанием. Вера волнует, как чувство, бывает горячей, и в то же время она сродни знанию, хоть и не знание. Без веры человек жить не может.

У Пушкина: «Для сердца надо верить...»

Душа человеческая умирает, если не во что верить, если нет веры. Во внутреннем нашем мире нет ничего материального, он выстроен из того, во что мы верим, ничего другого в нем нет, и если мы ни во что не верим, то мир этот рушится, как при землетрясении.

Вера – главное, вместе с любовью и надеждой, душевное движение, душевное действие человека.

Когда приходится выступать перед родителями, я так, полушутя, рассказываю о вере в правду. Я подхожу к двери вплотную, утыкаюсь в нее и говорю: «Представьте себе, что вот эта штука, дверь, – правда. Многие ли живут по правде, вплотную к правде? Нет, конечно... Большинство людей живет на каком-то отдалении от правды. Но зависит ли воспитание детей от того, насколько близок ты к правде? В таком случае хорошие дети были бы лишь у праведников.

Но воспитание детей зависит не столько от того, на каком удалении от правды ты живешь, сколько от того, веришь ты в правду или не веришь. Живешь лицом к правде или спиной. Воспитывает душевное действие, то есть вера».

В школе учат знать. Некоторые педагоги стараются учить чувствовать. Но и знание, и особенно чувство зависят от способности верить.

Без веры нет души, и нет, следовательно, чувств, нет и того, что делает человека человеком, — любви к людям.

9.

СПОСОБНОСТЬ ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ не всем дается. Это и в самом деле очень трудно — любить людей, сострадать им, желать им добра.

Любовь — стремление к добру. Любить — желать, но любить и жалеть. Любовь, жалость, милость, милосердие — разные формы одного чувства, одной способности, одной силы, которая правит миром вместе с совестью.

Любовь и совесть правят миром.

Но совесть и любовь часто противоречат друг другу.

Потому что совесть — стремление к правде, к справедливости — требует от нас одного,

а любовь – стремление к добру, к сочувствию, к милосердию – другого. Совесть и любовь – живое, пульсирующее, немереное. Так стучит сердце, так бьется живая нравственность, любовь и правда.

Любовь и совесть правят миром. Это сердце духовного мира, сердце нравственной жизни.

Верите вы в любовь и совесть, есть у вас способность любить не только своего ребенка, но и всех детей, верите вы в правду – вырастут и свои дети людьми. Нет – значит, нет, и никакие книги, никакие советы, никакие методы, расспросы типа «А что делать, если мой ребенок...» не помогут.

10.

ЕЩЕ НЕМНОГО О ЛЮБВИ. А то все теории да теории.

Великий ученый, лауреат Нобелевской премии Ричард Фейнман (он умер относительно недавно, в 1988 году), кроме открытий в области элементарных частиц, оставил много томные «Фейнмановские лекции по физике», переведенные едва ли не во всех странах, и у нас тоже. Об этих лекциях пишут, что они показывают триумф человеческой мысли и занима-

ют такое же место в истории западной цивилизации, как сочинения Аристотеля, «Принципы философии» Декарта и «Начала» Ньютона.

Жена Фейнмана умерла от туберкулеза, когда ученому было 29 лет. Спустя два года он написал ей письмо:

«Дорогая Арлин, я обожаю тебя, моя радость. Прошло ужасно много времени с тех пор, как я писал тебе в последний раз, почти два года, но я уверен, ты простишь меня, потому что знаешь, что я упрямый реалист. Я думал, что писать тебе нет смысла. Но теперь я знаю, моя дорогая жена, что надо сделать то, что я так долго откладывал. Я хочу сказать тебе, что я тебя люблю. Я хочу тебя любить. Я всегда буду любить тебя. Я не могу понять, что это значит – любить тебя после твоей смерти, но я по-прежнему хочу ухаживать за тобой и заботиться о тебе и хочу, чтобы ты любила меня и заботилась обо мне. Я хочу, чтобы мы с тобой обсуждали все наши проблемы...»

Написав это, Фейнман добавил: «Пожалуйста, прости меня за то, что я не посылаю тебе это письмо, но я не знаю твоего нового адреса».

Потом он положил письмо в шкатулку и ни разу за всю жизнь (он умер в 69 лет) не открывал ее. Письмо нашли после его смерти.

ПРАВДА И ВЕРА В ПРАВДУ, ДОБРО И ЛЮБОВЬ...

А красоту соединим с надеждой.

Не знаю, как для вас, читатель, может быть, вы это давно понимаете, может быть, вы и сейчас не согласитесь, но я помню, как я был взволнован в тот день, когда понял, что правда, добро и красота не букет из трех цветов, что это ступени одного стремления.

Красота – гармония мира, в красоте и правда, и любовь.

Мой друг художник Юрий Кононенко говорил мне: «У больших мастеров каждая линия – одна из тысячи возможных, она единственная, как правда».

Каждая линия – правда, каждое слово – правда, каждая краска – правда. Подобно тому, как в научных теориях видят красоту, так в красоте – правда.

Бесконечное поле добра начинается с границы, с правды, оно уходит вверх, оно все окрашено правдой, содержит в себе правду, и когда оно переходит в гармонию, оно становится прекрасным, в нем высшее напряжение добра и правды, любви и совести.

Люди живут в надежде, они надеются на эту высшую гармонию мира, на то, что мир прекрасен, что в красоте вся правда и все добро, что в красоте – высшее.

Мы учим детей ни от кого ничего не ждать, самим стоять на ногах, и в то же время – надеяться на жизнь, на вечную гармонию, на прекрасное в жизни.

12.

ТЕПЕРЬ ПОПЫТАЕМСЯ ПОНЯТЬ: что такое вера, надежда, любовь? Но сначала мы должны определить, что в этом случае означает слово понять. Может быть, понять – значит изучить какие-то авторитетные книги, чтобы была возможность привести цитаты, сослаться на писателей или ученых? Но цитата не доказательство.

Я долго ломал голову, пока не пришел вот к какому выводу: поскольку речь идет об идеальном мире, прямых доказательств не существует; никогда нельзя сказать: только так, а не иначе; но можно увидеть, как живет то или иное важное понятие в языке – как народ употребляет, понимает, принимает его. Даже психологи нет-нет, да обронят: «Не случайно говорится, что...» – это кажется им доказатель-

ством. Говорится! Вот ключ. Для идеального мира, который в сознании, в категориях человеческого разума, внутри нас, для этого мира важно, как живет понятие в языке, а следовательно, в понимании народа. Если я вслушиваюсь в речь, в бытование слов и выражений, то я начинаю понимать, что думает народ, что думают все. Я не спрашиваю с микрофоном в руках: «Что вы думаете о любви?» – я вслушиваюсь в речь, в язык и могу сказать: на этом языке это означает следующее...

А больше ничего. Все, о чем говорится в этой статье, по крайней мере не противоречит представлениям, заложенным в русском языке. Поэтому, в частности, здесь постоянно цитируется Пушкин – он потрясающе чувствовал язык, у него все точно. Здесь сделано такое допущение: как у Пушкина – так правильно.

Вслушаемся: всей душой люблю, всей душой верю, всей душой надеюсь... Или всем сердцем люблю, верю, надеюсь. Но нельзя сказать: всей душой помню, знаю, понял. Душа, сердце в языке нашем – одно, а ум – другое: «Как с вашим сердцем и умом быть чувства мелкого рабом?» (Пушкин). Ум и сердце, ум и душа разделяются. Душа – не весь внутренний мир, в нем еще есть ум, со-

знание; душа – вера человека, его любовь, его надежда, его чувства.

Поэтому, строго говоря, невозможно воспитывать чувства, да еще по отдельности; душа одно, душа – это способность верить, надеяться, любить.

Воспитывается душа.

Поэтому мы должны передавать детям нашу веру в правду, в высокое, в бесконечное. Мы должны развивать в них эти высшие человеческие способности – тогда и чувства разовьются.

13.

КСТАТИ, ВЫ НИКОГДА не задумывались, почему в языке словом чувство обозначаются и душевные чувства, и телесные чувства: почему ревность – чувство и слух – чувство?

Ответ может быть таким: чувствовать – что-то воспринимать. Слух воспринимает звуки из внешнего мира, а душа воспринимает нечто из внутреннего, душевного мира, человек чувствует что-то в себе. Что же?

Желания или состояния. Все наши желания можно разделить на желания-да, положительные – приблизить, получить, удовлетворить,

и желания-нет, отрицательные – отдалить, отдалиться, уменьшить, уничтожить.

Желания зависят от души человека, от его способности верить, надеяться и любить. Во что человек верит, что любит, на что надеется? Отсюда все желания, отсюда все чувства. Какой силы эти устремления? На что они направлены?

Давно было замечено, что на сто книг о воспитании ума – десять о воспитании чувств и едва ли одна (а то и ни одной) – о воспитании желаний. А ведь желания – ось внутреннего мира, одним концом укорененная в природных потребностях и дарованиях, другим направленная в мир. Желания и выражают, и составляют, и направляют внутренний мир, который тем, в частности, отличается от внешнего, что он целенаправлен.

Но почему нет книг о воспитании желаний? Почему желания не поддаются воспитанию? Хотя на самом деле мы постоянно воспитываем желания. Мы только и делаем, что воспитываем желания, но не понимаем этого, подобно мольеровскому герою, который не подозревал, что говорит прозой. Почему?

Потому что не понимаем природы желаний.

14.

НЕТРУДНО ЗАМЕТИТЬ, что все положительные желания делятся на два класса: конечные и бесконечные. Конечные желания когда-нибудь исполнятся, если не наяву, то во сне или в мечтах.

А бесконечные желания никогда не будут удовлетворены.

Никогда не удовлетворяется желание правды и жизни по правде – справедливости. Никто не скажет: хватит справедливости, достаточно.

Никто не скажет: хватит добра и любви, конец.

Бесконечны желания красоты и гармонии.

Вот эти бесконечные желания, вот это стремление к бесконечному и возвышает человека, и осветляет все его желания, и являет собой основу, направление, сущность внутреннего мира – дух.

Стремление к бесконечному, стремление творить, сотворять правду, добро, красоту – это и есть дух. Творческая воля к добру, правде и красоте.

Дух не создается в человеке, он есть в мире. Если ребенок растет в духовной атмосфере, если рядом с ним есть духовные люди или хотя

бы один духовный человек, ребенок тоже начинает жить духовными стремлениями.

Десять человек несут бревно, которое могут поднять лишь десятеро. Сколько из них должны стараться, чтобы бревно не упало и не отдавило ноги? Из условий понятно: все десять.

Десять учителей в классе, сколько из них должны быть людьми высокого духа, чтобы дух класса поднялся? Я многим задавал этот вопрос, одни говорят – пять, другие – десять. А ответ – один. Одного достаточно. Поэтому каждый может учить и воспитывать класс, кто бы ни был с ним рядом, каждый может поднимать дух.

15.

ДУХ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОСЬ ВНУТРЕННЕГО МИРА, главное желание, определяющее все.

Как зарождаются желания, мы не знаем. По принятым представлениям дело обстоит так: где-то в глубине души рождаются дурные и чистые желания, и у воспитанного человека сознание работает как таможня, которая хорошие, добрые желания-чувства пропускает, а дурные – подавляет. Хорошо воспитанный человек – гений самообуздания.

Схему воспитания-обуздания можно представить так: дурные желания – умное сознание – добрые поступки.

На этом держится вся современная педагогика. Ученика воспитывают, то есть учат его подавлять свои дурные желания. Современное воспитание – это подавление или, в лучшем случае, самоподавление.

Но результаты часто бывают плачевными, потому что сознание лишь с огромным трудом, да и то не всегда, подавляет дурные желания. Кто-то сказал, что борьба желания с мыслью – это борьба чугунного горшка с глиняным.

В действительности, похоже, все не так. В действительности, если воспитывается стремление к бесконечному – дух, то он высветляет все желания.

Не пресс, а свет. Не подавление, а высветление.

Темное желание – светлый дух – человеческий поступок.

Такая формула вернее. Самое надежное воспитание – это воспитание духа.

Поэтому в прежние времена и говорили: имей дух и умей передать его ребенку.

Здесь ответ, почему у одних хорошие дети, у других неважные. Хорошие от дурных отли-

чаются духовностью, духом – творческой волей к правде, добру и красоте.

...Простите, читатель, никогда в жизни не писал такой длинной статьи для газеты. Но как я уже говорил, я потратил много лет на то, чтобы понять все, сказанное здесь. Когда же я понял это, жизнь моя переменялась. Мне стало покойнее, понятнее. Стало легче с детьми. Я начал понимать некоторые слова в книгах, на которых прежде мое внимание не задерживалось.

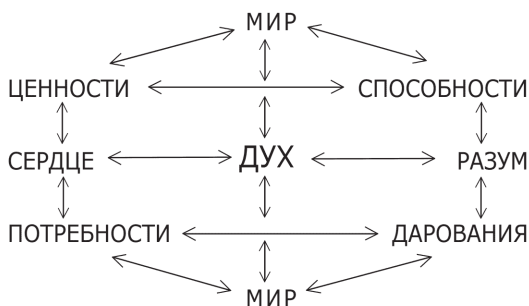
Может быть, и с вами случится такое?..

24 июня 1993 года

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ПОСТУЛАТЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

У человека есть природные потребности и дарования, они определяются и генетически, и окружением, и воспитанием.

У человека есть душа (сердце), есть душевные силы – вера, надежда, любовь.

У человека есть дух, духовная сила, воля к добру, правде и красоте.

У человека есть ценности, развившиеся из потребностей, и способности, развившиеся из дарований.

Умом и сердцем разделяет человек добро и зло, постигает правду разлитую в мире.

ПОСТУЛАТЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Любовь и совесть правят миром

Совесть – правда в человеке

Совесть – в каждом, совестливость надо
воспитывать

Правда – граница между добром и злом

Добро все, что возвеличивает достоинство
человека

Зло все, что уменьшает достоинство

Посягательство на человека – зло; добивайся своей
цели за свой счет

Справедливость – осуществление правды

Правда есть, справедливость надо осуществлять

Человек сам отвечает за свою веру, любовь и
надежду

Дух – бесконечное стремление к добру, правде и
красоте

Душа – в человеке, дух разлит в мире

Хочешь воспитать ребенка? Имей дух и умей
передать его

Послесловие

«Одна из грубейших ошибок – считать, что педагогика является наукой о ребёнке, а не о человеке».

Эти слова Януша Корчака – своего рода эпиграф ко всей системе педагогических взглядов Симона Соловейчика.

Статья «О любви и совести» была опубликована в «Первом сентября» в 1993-м году. Она выглядела странно, была очень непохожей на другие – и была единственной попыткой Соловейчика в немыслимо краткой форме представить читателям газеты главное дело своей жизни – теоретическую картину того, как взаимно обуславливают друг друга ценности, цели, средства и условия воспитания детей, как воспитывается сердце, ум и дух свободного человека. Ту картину, которая тщательно, точно и подробно была выстроена в книге «Педагогика для всех».

...К 1970-м годам, к началу работы над «Педагогикой для всех», Симон Соловейчик был едва ли не самым осведомлённым знатоком и педагогических традиций, и образовательных новшеств на пространстве Советского Союза.

Но в главной своей книге он почти не пытался обобщать чей-то опыт или ссылаться на научные исследования. Его утверждения прямо выводились из самой разворачивающейся картины взаимодействия противоречивых начал духовной жизни и соотносились с обыденными житейскими ситуациями.

«Отчего в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие?» – сформулировав такой вопрос в зачине «Педагогики для всех», Соловейчик и берётся за фундаментальное описание «ньютоновой механики» нормального внутреннего мира человека.

Соловейчик подхватывает мысли Корчака и Сухомлинского о том, что не способны воздействия на ребёнка должна обсуждать теория педагогики; её задача, прежде всего, представить картину становления человеческого духа, строительства внутреннего мира человека, природы нравственных отношений между людьми. Что педагогика – это, прежде всего, практическая этика, а вовсе не система выводов из философии, социологии или психологии, как часто принято думать.

Он берёт в качестве ключевых теоретических понятий именно те слова, которые тщательно вытравлялись из «научной» педагогики и психологии, «призывает на помощь» те понятия, что прежде обладали теоретической значимостью лишь в богословской традиции:

«...Идите сюда, слова несерьёзных, деловых людей: совесть, правда, честь, свобода, сердце, радость, счастье, красота, добро, вера, надежда, любовь, справедливость, нравственность, долг, дух, душа и духовность. Без этих понятий нам не справиться с детьми...

В высоких словах может содержаться обман – а без них всё оборачивается обманом неминуемо. Без этих слов нам не справиться с детьми.

Педагоги, пытаясь быть «научными», пытаются иногда обойтись без неточных понятий – «любовь», «сердце», но без них ничего нельзя ни объяснить, ни предсказать».

Именно с помощью «высоких слов» и оказывается возможным рассмотрение «ньютоновой механики» внутреннего мира – сил взаимодействия между полюсами духовной жизни. «Наука неточных понятий», соотношения тех постулатов духовной жизни, на которые только и может опираться педагогика, раскрываясь от страницы к странице, приобретает вид удивительно строгой и надёжной системы.

...«Педагогика для всех» стала одной из великих педагогических книг, и её величие автор хорошо сознавал. Ему казалось, что слишком мало людей прочитали и поняли его книгу, он

искал способы пробиться с главными её выводами к новым читателям.

Именно такой попыткой сжатого разговора о главном стала статья «О любви и совести». Но как рассчитывать на публичный успех столь краткому изложению большой философской книги? И сам Симон Львович с грустью соглашался с этим.

Однако сегодня, издалека, та статья начинает читаться, высвечиваться, слышаться совсем иначе – как взволнованная речь любимого человека, который просит тебя задержаться ради чего-то очень важного; как приглашение к серьёзному и мудрому разговору.

Андрей Русаков

Симон Соловейчик

О ЛЮБВИ И СОВЕСТИ

письмо читателям

Послесловие: Андрей Русаков

Макет, верстка: Андрей Балдин

Корректор: Тамара Кардановская

Соловейчик С.

С60 О любви и совести : Письмо читателям / Симон Соловейчик. – М. : Первое сентября, 2014. – 40 с.

ISBN 978-5-8246-0163-3

УДК 37.013

ББК 74.00

ООО «Издательство “Первое сентября”», 121165,
Москва, ул. Киевская, д. 24.

Подписано в печать 17.09.2014

Печать офсетная.

Тираж 500 экз.